

ОТЗЫВ

официального оппонента

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Петуховой Александры Павловны

**«Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй
половине XIX – начале XX века»,**

**представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история**

Представленная диссертация представляется весьма актуальной в контексте современного взгляда на Российскую империю как на исследовательскую ситуацию, проявляющую свойства феномена в том числе в части организации отношений с со своими национальными окраинами. Эти отношения, как и сами окраины, зачастую отличались по разным параметрам и империя демонстрировала различную динамику в каждой из них в разные периоды времени. Тем полезнее новый взгляд на Финляндию как раз на изломе государственной политики в отношении Великого княжества Финляндского.

Соискатель в своей диссертации вполне обоснованно заявляет о кардинальном изменении российской политики в отношении Великого княжества Финляндского в начале XX столетия. И обращает внимание на недостаточную разработанность вопроса о конкретных ее творцах и влиянии русского национализма на развитие финляндского вопроса в это время.

Исследование финляндского вопроса в диссертации рассматривается как «идеологический феномен, существующий в поле общественно-политической коммуникации» (с. 13), что и составляет научную новизну исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и двух приложений.

Во введении А. П. Петухова заявляет, что «в диссертации ставится вопрос о необходимости смены парадигмы при изучении национальной политики монархии (смещение акцентов с нарративного изложения на исследование

процессов в области индивидуального, группового и массового сознания, изучение когнитивных механизмов принятия решений)» (с. 14). Полностью поддерживая стремление автора к ревизии весьма ограниченного понимания процессов региональной (национальной) политики Российской империи, утвердившегося в отечественной исторической науке прошлого столетия, следует признать отсутствие у нас полноценного нарратива истории Великого княжества Финляндского как такового, замененного нарративами, созданными финскими коллегами.

Исходя из этого, следует говорить не о смещении акцентов, а попытке автора диссертации создать, судя по заявленным задачам, когнитивный нарратив финляндской политики Российской империи, что само по себе является актуальным продолжением подобных исследований, предпринятых в отношении других окраин Российской империи (Долбилов, Ремнев, Абашин).

Исходя из этой мысли, логично было бы в историографическом обзоре пойти несколько шире – показать современное состояние историографической ситуации в части изучения других окраин Российской империи, выявив при этом уникальность или типичность ситуации с формированием регионального дискурса государства. Здесь же **было бы уместно остановиться на историографическом обзоре русификации в отечественной и иностранной литературе**, раз уж объяснение ее причин вынесено в список целей представленной диссертации (с. 9).

В остальном же историография финляндского вопроса представлена в диссертации достаточно полно.

Источниковая база диссертации представлена типологически верно, разнообразно и позволяет решить поставленные в работе задачи.

В первой главе работы представлен взгляд на финляндский вопрос как на феномен общественно-политической коммуникации.

В первом параграфе главы рассмотрены особенности политики Российской империи в Великом княжестве Финляндском на рубеже XIX и XX столетий. А. П. Петухова описывает отдельные направления реализации

правительственного курса в отношении Великого княжества Финляндского, который, по ее мнению сводился к практически непрерывной унификацией и русификацией княжества. И хотя собственно примеров реализации курса на русификацию мы не находим, но апелляция к законодательным памятникам убеждает, что на уровне целей и задач она вполне имела место.

И, принимая во внимание, что имперская стратегия не ограничивалась планированием «до начала Первой мировой войны» или «до начала революции 1917 г.», вывод автора о том, что планирование широкомасштабной унификации «не принесло практически никаких положительных практических дивидендов российским властям: к 1914 г. Финляндия оставалась автономной экономической и политической единицей, не укладывавшейся в рамки общеимперской системы» представляется логичным и справедливым. Так же автору удалось доказать, что столь решительные планы правительства привели лишь к утрате лояльности финнов (с. 75).

Для более ясного изложения материала в этом параграфе **полагаю необходимым хотя бы вкратце описать систему главного управления Великого княжества Финляндского и его административные связи с правительством Российской империи.** Это сделало бы более понятным статус полномочий упоминаемых в тексте должностных лиц.

Второй параграф первой главы посвящен изучению отражения финляндского вопроса в статьях М. Каткова более раннего времени и является своеобразной ретроспекцией первого параграфа. Здесь следует обратить внимание на то, что А. П. Петухова вполне справедливо выделила основную идею М. Каткова о смысле окраинной политики империи: «Не посягая на бытовые особенности населения окраин, сделать их по возможности более «русскими», провести административную, правовую, культурную унификацию» (с. 84). Следует согласиться с автором и в том, что финляндский вопрос, во всяком случае, с 1860-х гг. был идеологизирован (с. 84).

Соискатель отмечает, что финляндский вопрос («как феномен общественно-политической жизни, как идейный конструкт, а вовсе не как

совокупность конкретных политических решений по отдельным вопросам русско-финских отношений») родился еще до возникновения соответствующих проблем (с. 88). С этим нельзя не согласиться. И лишь более широкий взгляд на региональную (окраинную, национальную) политику Российской империи убеждает, что одновременно и даже чуть раньше Каткова (в середине 1850–1860-х гг.) верховная власть всерьез озаботилась проблемой гомогенизации гетерогенного имперского пространства и окончательно наметила вектор на административную ассимиляцию.

В третьем параграфе первой главы рассмотрен всплеск интереса к финляндской теме в российском информационном пространстве в конце 1880-х – 1890-е гг. Говоря о пике популярности темы в отечественных СМИ, автор называет основные каналы коммуникации.

И, подводя итог первой главе, А. П. Петухова подчеркивает свой взгляд на финляндский вопрос как на «общественно-политический феномен, сложившийся вокруг конфликта финляндской и русских сторон по поводу определения статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи во второй половине XIX – начала XX вв.» и отмечает две его существенные стороны: политическую (реальную) и идеологическую (с. 104).

Во второй главе рассматривается интеллектуальная деятельность отдельных представителей российской интеллигенции, которые были непосредственно причастны к возникновению и развитию финляндского вопроса. В ней автор, вслед за своими предшественниками, делает важный акцент на том обстоятельстве, что в период правления Александра III происходит переход от династической легитимации Российской империи к национальной (с. 106). Я бы даже сказал – националистической. Отсюда и закономерный всплеск разных национальных вопросов, в том числе финляндского.

В первом параграфе главы А. П. Петухова разбирает транслировавшиеся публично взгляды на состояние и решение финляндского вопроса общественных деятелей конца 1880-х – 1890-х гг., в которых видит

преемственность с взглядами М. Н. Каткова.

Второй параграф хронологически продолжает содержание первого. Здесь автор рассматривает творчество М. М. Бородкина, тесно связанного с финляндским генерал-губернатором Н. И. Бобриковым. На рубеже столетий эксперты начинают всё в большей степени влиять на политику правительства в Великом княжестве. Более того, автор отмечает усиление взаимодействия и взаимовлияния представителей русского национального движения и государственной власти, воспринявшей консервативный подход к решению финляндской проблемы (с. 172).

Своеобразный итог подводит третий параграф, в котором разбираются формы и методы взаимодействия власти и общества в дискуссии о статусе Великого княжества Финляндского в 1906–1917 гг. К отличительным чертам нового периода автор относит появление новых политических инструментов. Среди них «возможность объединяться в политические партии, пропагандировать свои взгляды с думской трибуны, развивать партийную периодику и пользоваться плодами появления по-настоящему массовой печати» (с. 173). По мнению А. П. Петуховой, «сторонники русского национального взгляда на положение Финляндии представляли собой достаточно сплоченную группу лиц» – продолжателей дела К. Ф. Ордина, К. Н. Якубова, Н. И. Бобрикова и других (с. 173–174).

Соискатель отмечает, что в это время «власть продолжала оставаться не тождественной представителям русского национального движения. Их цели все больше и больше пересекались, но степень пересечения была не абсолютна. И те, и другие продолжали решать свои задачи. Опыт экспертов по выстраиванию системы идеологического влияния с определенного момента начал отвечать и потребностям властей» (с. 194).

Переходя к **третьей главе, следует обратить внимание на ее не совсем корректное название.** Упоминание «антифинляндского» дискурса либо носит заведомо оценочный характер, либо подразумевает наличие и другого – «профинляндского» – дискурса империи. Оба толкования представляются

недопустимыми, так как любое правительство формирует и артикулирует некий единый (для него единственно возможный) дискурс, который следует воспринимать как реальность, избегая оценочных характеристик. В последнем случае имеет место нарративная рефлексия, от которой автор диссертации отрешивается во введении.

Первый параграф называется «Концептуальные основания и ключевые общественно-политические понятия». Здесь автор диссертации дает интерпретацию дискурса, подчеркивает терминологическую разницу между финляндским вопросом и антифинляндским дискурсом (с. 195), раскрывает содержание антифинляндского дискурса (с. 196).

Во втором параграфе третьей главы рассмотрена жанровая специфика антифинляндских публикаций, отличая при этом характерные черты исторических сочинений о Финляндии.

Заключительный параграф главы посвящен анализу формальных характеристик текстов экспертов по финляндскому вопросу. Среди аргументации публицистов автор обращает внимание на доминирование иррациональной стратегии. «Она соседствовала с рациональной, на эмоциональном уровне закрепляя знания и представления, которые хотели вложить читателям авторы антифинляндских текстов» (с. 276). Соискатель подчеркивает, что «"Национально мыслящие" эксперты продемонстрировали высокий уровень владения самыми современными на тот момент методиками воздействия на аудиторию. При этом острие их пропагандистских усилий было направлено в первую очередь на определенную национальную... группу – на русских» (с. 277).

В Заключении диссертации подводится итог всему исследованию, приводится обоснование вынесенных на защиту основных положений диссертации.

В Приложении к работе приведены своды статистических данных по периодической печати и когнитивная карта.

Высоко оценивая проведенную А. П. Петуховой работу, не могу не

указать, кроме выше названных, на следующие моменты.

1. Автор не всегда считает нужным **раскрывать неизвестные нам понятия при первом упоминании**: «финляндское послание» (с. 10), «антифинляндская группировка» (с. 14), а также социальный (политический) статус (напр., Л. Мехелин, с. 55). То же касается и первых упоминаний учреждений в сносках (СЕИВК, сноска 18, с. 18).

2. В тексте следовало бы **более корректно отнестись к стилистике** («...они рассматриваются в первую очередь как источник **по взглядам** своих создателей», с. 27; «**В прошлых** главах...», с. 195). Следует употребление прямой речи привести в соответствие с правилами русского языка («Уже в 1869 г. Катков формулировал это очень четко: “**прежде всего...**”», с. 80).

3. Необходимо **более аккуратно** отнестись к исполнению табличного материала (таблица на с. 233), к ссылкам на приложения (они перепутаны на с. 102, 232); дополнить схемы в приложениях соответствующими подписями (с. 329–332).

Однако отмеченные недостатки не снижают значимости осуществленного исследования.

В диссертации подведены итоги исследования, показана реализация каждой поставленной задачи, что свидетельствует о достижении цели диссертации и решении научной проблемы.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация А. П. Петуховой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Александра Павловна Петухова заслуживает

присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности
5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной
истории Института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»

Васильев Дмитрий Валентинович

11 ноября 2022 г.

Контактные данные:

тел.: +7-499-181-24-62, e-mail: vasilevkv@mgru.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 07.00.02 – Отечественная история.

Адрес места работы: 129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный
проезд, д. 4, каб. 3613.

Тел.: +7-499-181-66-29, e-mail: voskoboinikovkv@mgru.ru

